

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Годъ одиннадцатый).

СЕНТЯБРЯ 15. № 18. 1875 ГОДА.

С Л О В О

въ день Коронованія и св. Миропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссийскаго, произнесенное въ Вологодскомъ Кафедральномъ Соборѣ 26 Августа, 1875 года.

*Владѣетъ Вышній царствомъ
человѣческимъ и ему же хоцетъ,
дасть ѓ (Дан. 4, 14).*

Читая исторію человѣческаго рода, слѣдя за постепенною смѣною и развитіемъ земныхъ царствъ, вникая въ устройство настоящихъ обществъ, нельзя не видѣть, что *царствомъ чело-вѣческимъ правитъ рука Всевышняго*. Не говоря уже о всемъ родѣ человѣческомъ, какая мудрость человѣческая можетъ обнять всѣ нужды самаго малаго общества, видѣть всѣ его недостатки, предвидѣть и предотвратить его опасности, открыть для него источники благосостоянія, начертать мудре, благодѣтельные законы? Какая сила человѣческая въ состояніи соединить подъ управленіе одной воли милліоны разумно-свободныхъ существъ съ различными мыслями и стремленіями, волями и склонностями, дѣйствіями и страстями, соединить эти разрозненные члены въ одно живое тѣло, проникнутое однимъ духомъ, направленное къ одной цѣли? Для этого недостаточно

силъ и умѣнья не только одного человѣка съ царскою властію, но и всѣхъ владыкъ земныхъ въ совокупности; для этого нужны: умъ всевѣдущій, око всевидящее, рука всемогущая. Словомъ - нужна сверхъестественная помощь Божія. Потому-то самые сильные между земными правителями, давашіе цѣлому свѣту законы, смиряшіе царства и народы подъ свою власть, смирялись сами подъ власть Вышняго, признавая себя только орудіемъ Его высочайшей силы. И тотъ надменный царь, который нѣкогда мечталъ поставить выше звѣздъ престолъ свой, сдѣлаться независимымъ отъ Бога Вышняго, даваго ему и царство, и величество, и честь, и славу (Дан. 5, 18), узналъ и повѣдалъ всѣмъ живущимъ, что *владеетъ Вышній царствомъ человеческимъ, что власть Его—власть вѣчна, и Онъ, по воли своей творитъ въ силѣ небесный и въ селеніи земныхъ* (Дан. 4, 31, 32).

Для чего же земные правители, если Самъ Царь небесный управляетъ царствами человеческими? какое благо даютъ цари обществу, если Самъ безконечно-благій печется о его благосостояніи?

Царь небесный не нуждается ни въ чьей помощи: какъ Всевѣдущій—Онъ видитъ непосредственно и малѣйшія нужды каждаго человѣка—члена Его царства, какъ Премудрый—Онъ знаетъ всѣ средства къ благосостоянію Своихъ подданныхъ; какъ Всемогущій—всегда силенъ привести средства въ исполненіе. Словомъ—Онъ могъ бы управлять родомъ человеческимъ и непосредственно. И было такое время, когда Царь небесный какъ бы видимо обиталъ среди земнаго царства, лицомъ къ лицу бесѣдовалъ съ человѣкомъ, сообщалъ ему Свою волю, Свои законы, управлялъ его дѣятельностію и жизнію; но за этимъ, болѣе небеснымъ, чѣмъ земнымъ, царствомъ настаетъ рядъ другихъ земныхъ царствъ съ земными правителями и царями. Гдѣ же причина такой перемѣны? Причина въ самомъ

человѣкъ, въ его собственной перемѣнѣ. *Глаголю ты съ нами, и да не глаголетъ къ намъ Богъ, да не когда умремъ* (Исх. 20, 19), говорили Іудеи Моусею, своему вождю, послѣ того, какъ Богъ благоволилъ осязательно явить имъ Свое присутствіе у Хорива, и ихъ слова—не есть ли голосъ всего человѣчества падшаго, поврежденнаго? Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ чувственность покорила себѣ человѣка, его духовныя силы какъ бы оземленились, какъ бы покрылись плотскою оболочкою, утратили свою воспріемлемость и силу. Въ человѣкѣ не осталось уже ни духовнаго зрѣнія, ни слуха, чтобы созерцать своего невидимаго Владыку и внимать Его наставленіямъ. И прежнее ощущеніе блаженства отъ сознанія близости любвеобильнаго отца превратилось теперь въ чувство страха предъ Высочайшимъ Существомъ и грознымъ Судіею (10, 18). Его присутствіе сдѣлалось даже разрушительнымъ для брэннаго существа (19, 12) какъ разрушительнъ блескъ солнца, поражающій глаза больнаго. Такъ мало осталось въ человѣкѣ способности къ непосредственному общенію съ своимъ небеснымъ Царемъ! Но падшій человѣкъ сталъ не только неспособенъ къ непосредственному общенію съ своимъ небеснымъ Царемъ, но и недостойнъ этого общенія. Отъ того-то, какъ только человѣкъ согрѣшилъ, онъ и изгнанъ изъ прежняго своего жилища, лишень общенія съ своимъ Создателемъ. И эта черта, ближе которой Іудеи не могли приступить къ горѣ Хориву, ознаменованной Божіимъ присутствіемъ (19, 12, 13), не есть ли и для каждаго грѣшника черта раздѣленія между имъ и Богомъ, оскорбленнымъ его непослушаніемъ? Если лучшіе сыны Ветхаго и особенно Новаго Завѣта и переступали за эту черту, если они и удостоивались подобно Моусею, какъ бы осязательно видѣть славу Божію, то что значитъ небольшое число такихъ людей предъ многочисленнымъ сонмомъ Іудеевъ и Христіанъ, остающихся по нынѣ внизу мысленнаго Хорива? Но безконеч-

но-милосердый въ своему созданію Господь, лишивъ человѣка непосредственнаго Своего руководства, не лишалъ его внѣшняго руководства и пособія; Онъ далъ ему видимыхъ правителей и защитниковъ. По Его волѣ явились вожди и судіи, управлявшіе народомъ Іудейскимъ, явились еще прежде ихъ цари, управлявшіе народами языческими, потомъ Іудейскимъ и управляющіе нынѣ христіанскими. Вотъ истинное происхождение земныхъ правителей! Ясно, что не случай, не произволь народный возводитъ царей на престоль, но Самъ Богъ *возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ* (Псал. 88, 20), дѣлаетъ ихъ какъ бы своими намѣстниками на землѣ, удостоиваетъ ихъ ближайшаго единенія съ Собою, сообщаетъ имъ особенные дары и вѣряетъ имъ общество, чтобы они отъ лица Царя небеснаго изрекали законы людямъ, удовлетворяли нуждамъ ихъ и направляли жизнь и дѣятельность всѣхъ и cadaго къ благимъ и мудрымъ дѣламъ. Таковъ порядокъ земнаго домостроительства Божія, по которому Ему угодно управлять судьбою людей чрезъ посредство подобныхъ же имъ человѣковъ. И этотъ порядокъ, при всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, остается неизмѣннымъ, какъ неизмѣнна воля Божія, какъ неизмѣненъ Самъ Богъ, отъ Коего онъ исходитъ. Правда, были похитители престоловъ, являлись самозванцы, которые силились, или предопредѣленныхъ отъ Бога на царство не допустить, или вступившихъ уже на престоль, низвести; таковъ былъ Саулъ, который хитрыми ковами старался погубить кроткаго Давида, помазаннаго уже Богомъ на царство Іудейское; таковъ былъ Авессаломъ, старавшійся низвести съ престола отца своего Давида; таковъ былъ другой сынъ Давидовъ Адонія—похититель отеческаго престола; таковы были всѣ русскіе самозванцы, присвоившіе себѣ имя законныхъ царей; но всѣ ихъ усилія кончились, какъ извѣстно, погибелью ихъ же самихъ. Отъ чего же это? Отъ того, конечно, что Господь не повелѣлъ имъ

царствовать. Царствовать можетъ только тотъ, кого избереть и благословить на царство Самъ Богъ. Онъ есть верховный Царь и Владыка всѣхъ и потому безъ Его воли никто не смѣетъ присвоить себѣ начальства надъ другими. *Мною царіе царствуютъ, и сильные пишутъ правду,* вѣщаетъ самъ Господь (Притч. 8, 15).

Но вникнемъ ближе въ устройство человѣческихъ обществъ и мы увидимъ, сколько нужны земные правители, хотя Самъ Вышній править ими.

Первое основаніе благоустройства всякаго общества составляютъ общественные законы. На нихъ утверждается и отъ нихъ зависитъ не только благосостояніе, но и самое существованіе царствъ человѣческихъ. Верховный царь неба и земли, создавъ на землѣ общества и Самъ управляя ими силою промысла, Самъ же начерталъ и законы, подъ влияніемъ которыхъ должна развиваться жизнь народовъ. Въ совѣсти людей—членовъ общества, въ книгахъ Божественнаго откровенія положены всѣ начала общественного благоустройства,—но эти начала не для каждаго видны и ясны, и, какъ пачала только, не такъ полны, чтобы могли обнимать общественную жизнь со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. А между тѣмъ, кто не знаетъ, какъ важно для благоденствія общества, если самая, повидимому, малая, незначительная сторона его будетъ развиваться изъ опредѣленнаго начала и по известной мѣрѣ,—если все разнообразіе отношеній между его членами будетъ связано одною нитью и на всѣхъ поступкахъ частныхъ лицъ будетъ лежать печать закона! Отъ чего въ самомъ дѣлѣ, эта буйность и необузданность въ поступкахъ, эта разрозненность и междоусобія между неразвитыми народами, если не отъ того, главнымъ образомъ, что тамъ нѣтъ еще положительнаго закона, проникающаго во всѣ стороны и связывающаго всѣ части въ одно цѣлое. Немного требуется вниманія, чтобы ви-

дѣтъ, какъ и между просвѣщенными народами тѣ, которые позволяютъ себѣ идти наперекоръ этому закону, при всей своей, повидимому, силѣ и счастливомъ положеніи своего государства, постоянно мнутъ, волнуютъ, терзаются междуособіями и гибнуть въ страшной безднѣ, изрываемою своеволіемъ и безначаліемъ. Какъ же послѣ этого должны быть святы и неприкосновенны законы отечества!

Но если полнота общественныхъ законовъ составляетъ основаніе благоденствія общества, то не цари ли, главнымъ образомъ, полагаютъ это основаніе? «Земля наша велика, а порядка въ ней нѣтъ,» говорили наши предки Рюрику и пригласили его въ свое отечество дать имъ законы и установить порядокъ. И Премудрость Божія говорить: *имъ же нѣсть управленія падаютъ акы миствіе* (Притч 11, 14). И весьма естественно; ибо, если и теперь, когда на землѣ есть власть и правительство, силою законовъ предупреждающее и пресѣкающее зло, между нами еще много зла, то что было бы, если бы не было правительства? Тогда, очевидно, беспорядкамъ и злодѣяніямъ не было бы и конца. Исторія не только другихъ государствъ, но и нашего отечества, представляетъ тому множество примѣровъ. Было время, когда родъ царей нашихъ пресѣкся и нарушился законный порядокъ престолонаслѣдія; было то несчастное время, когда явились самозванцы, власть царей ослабѣла, и Русскій престолъ колебался. Что же тогда произошло въ нашемъ отечествѣ? Явились крамолы, измѣны, грабежи, убійства, явились всѣ послѣдствія государственнаго разложенія, — всякая собственность, личная честь и безопасность — все гибло въ бурномъ потокѣ насилія и неистовства!.. Совсѣмъ не то видимъ, когда опять явился на престолѣ избранный Богомъ и народомъ, Государь, благословенный предокъ нынѣ Царствующаго Дома. Съ воцареніемъ Его — всѣ необузданныя страсти искателей и похитителей престоловъ не умедлили замол-

кнутъ; всякому вмѣшному и внутреннему нестроению положена самая твердая преграда; во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія появились порядокъ, благочиніе и правосудіе, и торжествующая Россія, подъ скипетромъ Самодержавнаго Царя вскорѣ потомъ явилась тою твердою скалою, о которую сокрушались, и будутъ всегда сокрушаться, всѣ волны воздвигаемыя бурей крамольныхъ сыновъ. Такъ бѣдственно лишеніе государя и такъ вождедѣнно явленіе Его на престолѣ! И вездѣ, гдѣ только являлись цари, они являлись истинными отцами и благодѣтелями своего народа; были какъ бы солнцемъ своего меньшаго міра, озаряющимъ, согрѣвающимъ и оживляющимъ жизнь и дѣятельность каждаго члена общества. Желаемъ ли лучше убѣдиться въ истинѣ сказаннаго, не будемъ утомлять себя перечисленіемъ извѣстнаго, вспомнимъ только дѣянія Петра Великаго, могучій геній котораго создалъ изъ Россіи новую политическую силу и поставилъ ее въ рядъ государствъ Европы. Вспомнимъ славное царствованіе Екатерины Великой, громъ ея побѣдъ, ея человѣчныя стремленія къ образованію своего народа и то множество благотворныхъ идей, которыя ея рукою были введены въ жизнь Русскаго народа. Вспомнимъ Александра Благословеннаго, нашъ славный 12-й годъ, столь высоко возвысившій Россію надъ всѣми государствами Европы. Вспомнимъ Николая Мудраго, сплотившаго Россію въ столь громадную и могущественную державу, что возбуждалъ зависть и боязнь цѣлаго запада. А что сказать о царскихъ дѣяніяхъ Августѣшаго Виновника настоящаго торжества—Александра Освободителя? Дѣянія эти столь разнообразны и многочисленны, что, еслибы мы захотѣли исчислить ихъ во всей подробности, то у насъ не достало бы ни словъ, ни умѣнія. Если все это такъ, братія, то судите сами, какъ послѣ этого долженъ быть дорогъ царь для общества, и какъ счастливо общество, живущее подъ сѣнію такихъ помазан-

никовъ Божіихъ! Не даромъ же св. церковь и сама непрестанно молится и намъ постоянно заповѣдуетъ *творити молитвы и моленія за царя* (1 Тим. 2, 1).

И благодареніе Господу Богу! Сыны Православной Россіи всегда глубоко убѣждены были въ той истинѣ, что царь есть лицо избранное самимъ Богомъ; что Онъ любитъ Россію, какъ отецъ свое чадо и потому всегда любили и чтили Его, какъ Отца, покровителя и лучшаго своего благодѣтеля. Это святое чувство во всѣ времена отличало народъ Русскій отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Позаботимся же и мы, братіе, это завѣтное достояніе предковъ нашихъ сохранить во всей цѣлости и чистотѣ. Не будемъ прилагать слуха нашего къ иноземнымъ мудрованіямъ, направляемымъ къ униженію, или къ ниспроверженію власти царей, но паче будемъ, по гласу св. церкви, молить Верховнаго Правителя Вселенныя—Бога, да хранитъ Онъ выну Августѣйшаго Монарха нашего и весь Царствующій Домъ въ нерушимомъ здравіи и непремѣняемомъ благополучіи,—да и мы *въ тишинѣ еіо тихое и безмолвное житіе поживше* (1 Тим. 2, 2), пребудемъ здѣсь вѣрными и честными гражданами и удостоимся быть чрезъ это гражданами *вышняго царствія* (Евр. 12, 23). Аминь.

Варлаамъ, Епископъ Тотемскій, Викарій Вологодскій.

ЛОПОТОВЪ МОНАСТЫРЬ

Вологодской епархіи.

1. Мѣстоположеніе и названіе монастыря.

Допотовъ Богородицкій, заштатный, общежительный мужескій монастырь находится Вологодской епархіи въ Кадниковскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Пельшмы, впадающей въ Сухону, разстояніемъ отъ г. Вологды на сѣверовостокъ по большой Архангелогородской дорогѣ, (въ сторону отъ этой дороги двѣ версты), въ 42 верстахъ; отъ уѣзднаго г. Кадникова, на югозападъ, въ 7 верстахъ. *Допотовымъ* называется

по родовой фамилии своего основателя, Преподобнаго Григорія, *Богородицкимъ*—по главному храму обители во имя Собора Богоматери.

2. Жизнь Преподобнаго Григорія, Пельшемскаго чудотворца, и основаніе монастыря. (*)

Преподобный Григорій родился около половины XIV столѣтія, въ городѣ Галичѣ (нынѣ Костромской епархіи), отъ благородныхъ и богатыхъ родителей изъ боярской фамилии Лопотовыхъ. Онъ былъ воспитанъ въ строгомъ благочестіи и уже отъ юныхъ лѣтъ вмѣнилъ за суету все красное міра и чуждался всего, чѣмъ бы могъ пользоваться по своему высокому роду. Когда достигъ онъ пятнадцатилѣтняго возраста, родители хотѣли сочетать его бракомъ, но онъ уклонялся отъ ихъ настоянія и молилъ Господа, чтобы избѣжать ему прелести міра; прежде нежели исполнился совѣтъ родителей, оба они преставились и Григорій остался сиротою. Воздавъ послѣдній долгъ усопшимъ, онъ роздалъ свое имѣніе нищимъ, и отпустилъ на волю рабовъ, самъ же посвятилъ себя единому Богу, памятуя слово Евангельское: «иже оставитъ отца или мать, братію или чадъ или села, имене Моего ради, стократы пріиметь, и животъ вѣчный наслѣдитъ» (Мате. XIX. 29.)

Возлюбившій отъ юныхъ лѣтъ путь небеснаго царствія, рано воспріялъ онъ на себя благое иго Христово и удалился въ монастырь Богоматери, стоявшій близъ озера Галицкаго. (**) Архимандритъ, видя что онъ еще молодъ и рода знатнаго, усумнился, можетъ ли юноша перенести скорби и искушенія ипческаго быта. Но Григорій обѣщаль строго исполнять все опредѣленное въ обители и настоятель велѣлъ его постричь, поручивъ опытному руководителю. Вмѣстѣ съ власами своими отсѣкъ Григорій и всѣ вождельн'я міра сего ради Христа, съ великимъ смиреніемъ служилъ онъ всей братіи, ко всѣмъ имѣя любовь и пребывая съ молитвѣй день и ночь, такъ что всѣ его почитали какъ Ангела Божія и дивились строгому посту его,

(*) См. старинное рукописное житіе преподобнаго Григорія и «Житія святыхъ Россійской церкви,» Муравьева, мѣсяць Сентябрь. Въ житіи препод. Григорія, напечатанномъ въ Прологѣ подъ 30 Сентября, есть нѣкоторыя разности отъ рукописнаго житія; въ чемъ онъ состоитъ, показано ниже, въ подѣтъ очныхъ примѣчаніяхъ.

(**) Въ Прологѣ сказано, что препод. Григорій первоначально удалился и пріялъ постриженіе не въ Галицкомъ Богородицкомъ монастырѣ, а въ Макаріевскомъ Желтоводскомъ, и уже отсюда поступилъ на игуменство въ упомянутый Галицкій монастырь.

терпѣнію и подвигамъ. Какъ вѣрный рабъ Христовъ, скоро сподобился онъ и священническаго сана и обильно умножилъ данный ему отъ Господа талантъ. Не могъ укрыться свѣтильникъ на свѣщникѣ; многіе притекали къ нему за назиданіемъ, восхваляя его добродѣтель; онъ же, подобно Аврааму, рѣшился выйти изъ земли своей въ землю, гдѣ бы никому не былъ вѣдомъ, сокрушаясь молвою о немъ бывшею въ людяхъ, ибо не чувствовалъ самъ своего достоинства и думалъ только о спасеніи. Преподобный удалился изъ обители, вторично оставивъ сродниковъ своихъ по плоти и всѣхъ знаемыхъ, и направился къ югу въ городъ Ростовъ, чтобы тамъ поклониться мощамъ Святителя Леонтія: онъ вошелъ въ обитель Преподобнаго чудотворца Авраамія, гдѣ испросилъ себѣ келлію у настоятеля, и назидаль братію строгимъ своимъ житіемъ, такъ что разнеслась о немъ молва по всему Ростову.

Епископомъ въ Ростовѣ былъ тогда благоговѣйный Діонисій, пришедшій отъ св. горы Аѳонской и долго управлявшій Спасокаменною обителью на озерѣ Кубенскомъ. Ему извѣстенъ былъ Преподобный Григорій и когда пришли иноки Ростовскіе изъ монастыря Всемиловаго Спаса, что на Пескахъ, просить себѣ настоятеля, Святитель предложилъ архимандрію пустыннолюбивому Григорію: (*) долго онъ отрекался, но Епископъ сказалъ ему: «О чадо! лучше сотворить волю нашу въ послушаніи, нежели ослушаться нашего смиренія.» Не смѣлъ долѣе прекословить преподобный, но воспріавъ начальство, приложилъ труды къ трудамъ и, ради его святой жизни, великое было стеченіе въ обитель людей, искавшихъ получить отъ него благословеніе. Такъ провелъ онъ въ послушаніи два года, но сердце его влекло въ пустыню отъ молвы житейской и онъ, возложивъ упованіе свое на Пречистую Матерь Спасову, тайно ночью вышелъ изъ обители и устремился къ предѣламъ сѣвернымъ.

(*) О пребываніи препод. Григорія въ Ростовскомъ Аврааміевѣ монастырѣ и о настоятельствѣ его, въ самѣ архимандритѣ, въ монастырѣ Спасскомъ, что на Пескахъ, въ Прологѣ во все не упоминается. За то сообщаются два свѣдѣнія, не находящіяся въ рукописномъ житіи, а именно во первыхъ о томъ, что препод. Григорій, пользовавшійся за свою строгую жизнь великимъ уваженіемъ современниковъ, былъ воспріемникомъ отъ кунели двухъ сызвоей Галицкаго князя Юрія Дмитрѣвича, соперника Василю Гемному и во вторыхъ, что послѣ отнятія Юріемъ престола велико княжескаго у Василя, преподобный нарочито путешествовалъ въ Москву и, убѣдивъ Юрія уступить престолъ племяннику, былъ миротворцемъ между ними.

Пришедши въ Вологду, долго ходилъ по окрестнымъ лѣсамъ и пустынямъ, отыскивая себѣ мѣсто, гдѣ бы работать Богу, и такъ, скитаясь по непроходимымъ дебрямъ, пришелъ однажды къ преподобному игумену Діонисію Глушицкому: странникъ просилъ себѣ уединенную келлію и Діонисій далъ ему келлію на полуденной сторонѣ отъ своей лавры, въ пустынѣ называемой Сосновецкою, гдѣ создалъ церковь; духовная любовь соединила старца и пришельца, во всемъ имѣвшихъ единую волю и согласіе между собою. Діонисій, провидя въ немъ будущаго наставника пустынножителей, вазидаль его день и ночь въ Законѣ Господнемъ—и преподобный Григорій, забывъ свой настоятельскій санъ, какъ ученикъ смиренно внималъ поученіямъ великаго своего учителя, и открылъ ему свое тайное желаніе предаться еще большому безмолвію на уединенномъ мѣстѣ.

Григорій пошелъ на востокъ отъ лавры Діонисіевой, въ невѣдомыя ему мѣста, съ молитвою, чтобы Господь направилъ путь его, и достигъ къ вечеру великой рѣки Сухоны; тамъ, послѣ обычнаго правила, уснулъ легкимъ сномъ и сквозь сонъ услышалъ какъ бы звонъ колокола; немедленно воспрянувъ на молитву, просилъ онъ Господа и Пречистую Его Матерь, дабы указали ему вождельнное мѣсто, и на разсвѣтѣ перешелъ на тотъ берегъ, откуда слышался голосъ; чрезъ лѣса и болота, дошелъ онъ до рѣки, называемой Пельшмою. Тутъ походивъ нѣсколько, для избранія себѣ постояннаго жилища, водрузилъ наконецъ крестъ, и преклонивъ колѣна, молился Господу, да будетъ воля Его на этомъ мѣстѣ основать храмъ и обитель, для спасенія душъ христіанскихъ, безмолвно хотящихъ жить съ вѣрою и благою совѣстію.

Тутъ дѣйствительно и основался монастырь преподобнаго Григорія. Прежде всего поставилъ онъ малую для себя хижину, гдѣ день и ночь упражнялся въ молитвѣ, заботясь и о томъ, что необходимо было для устройства обители. Спустя нѣсколько времени пришелъ сюда священникъ, по имени Алексій, и просилъ преподобнаго, чтобы одлекъ его въ ангельскій образъ. Съ любовію принялъ его пустыжникъ и варекъ ему имя Александръ; послѣ преставленія святаго, Александръ былъ игуменомъ въ новой обители. Въ мѣстѣ стали они совершать молитвословіе въ своей убогой хижинѣ, и мало по малу начали къ нимъ собираться братія, такъ что составилось общезжитіе. Спустя нѣсколько времени послалъ преподобный одного

изъ братій въ сосѣднее селеніе, къ благочестивому христіанину Мартину, просить дроводѣлей въ пустыню. Обрадовались благочестивые люди водворенію такого старца въ своихъ предѣлахъ, и прислали къ нему на помощь работниковъ. Григорій созвалъ всю братію и, послѣ соборной молитвы, началъ рубить лѣсъ и строить малыя келліи. Это было въ 1426 году, когда уже на каедрѣ Ростовской возсѣдалъ, послѣ Діонисія Святоторца, епископъ Ефремъ. Къ нему пошелъ преподобный просить благословенія для новой обители и благословилъ архипастырѣ, чтобы по апостольскому примѣру учреждено было въ ней общежитіе; настоятельство же поручилъ самому Григорию, какъ уже испытанному въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь въ свою пустынь, преподобный соорудилъ церковь во имя Пречистыя Дѣвы, честнаго Ея Собора, празднуемаго на другой день Рождества Христова; потомъ устроилъ трапезу, братскія келліи и все потребное для монастыря. Пришелъ къ нему и другъ его, Діонисій Глушицкій, похвалилъ избранное имъ мѣсто и пожертвовалъ въ храмъ икону праздниковъ Господнихъ съ книгою Прологъ; самъ онъ, по просьбѣ своего собесѣдника, освятилъ новую церковь. Обитель Григорія, при непрестанныхъ его трудахъ, стала процвѣтать смиреніемъ, братолюбіемъ и совершеннымъ нестяжаніемъ; все въ ней было общее. По сему многіе усердно жертвовали ей свое имущество и никто не смѣлъ въ чемъ либо прекословить преподобному, зная ангельское его житіе, ибо онъ самъ во всемъ подавалъ другимъ примѣръ. Прежде всѣхъ обрѣтаясь на служеніи церковномъ, въ свободные часы занимался онъ переписываніемъ книгъ, помня заповѣдь апостольскую: «аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть» (2 Сол. III, 10.); постоянно поучалъ онъ братію, напоминая ей часъ смертный и внушая, что многими скорбями подобаетъ взойти въ царствіе небесное; каждый изъ иноковъ, соревнуя настоятелю по силѣ своей, старался выполнять спасительныя его назидавія.

Случилось однажды, что недобрые люди ночью украли всѣ хозяйственныя орудія монастыря. Опечалилась братія, но преподобный утѣшилъ ихъ, обѣщая, что все опять у нихъ будетъ: по немногомъ времени пойманы были хищники и все монастырское возвращено, по слову человека Божія. Въ другой разъ ночью, стоя на обычномъ своемъ правилѣ, услышалъ онъ страшный вопль посреди монастыря и увидѣлъ цѣлое полчище духовъ нечистыхъ, грозящихъ разогнать пастыря и собранное

имъ стадо; но преподобный, знаменіемъ крестнымъ и словами псаломными, разсѣялъ враговъ невидимыхъ, сдѣлавшихсѣ видимыми при его духовной молитвѣ. Много приключилось ему стогорченій и отъ людей, которые старались изгнать его отъ избраннаго имъ мѣста, но все ихъ козни преодолѣлъ онъ неодолимымъ терпѣніемъ, полагая во всемъ упованіе свое на Бога.

Въ 1430 году, князь Димитрій Шемяка наступилъ ратию на городъ Вологду, обагрѣя междуособною бранію землю Русскую, и опустошалъ предѣлы Вологодскіе, такъ что многіе умирали отъ голода и зимняго холода или скитались, не зная гдѣ приклонить голову. Толпы народа притекали за пищую въ обитель преподобнаго Григорія, который неоскудно подавалъ ее просящимъ. Вооружившись христіанскимъ мужествомъ, взялъ онъ свой посохъ и, ни мало не боясь ярости князя, прямо пошелъ къ нему съ обличительнымъ словомъ:—«Князь Димитрій, сказалъ онъ ему, не читалъ ли ты въ божесгвенномъ писаніи, что судъ безъ милости не сотворшему милости? ты же сотворилъ дѣла не христіанскія: язычникъ Бога не знаютъ, а ты Князь православной вѣры и свою Русь воюешь; воинство твое горькой смерти предаетъ Христіанъ; одни погибли голодомъ, другіе замерзли, много ихъ невѣдомо пропало; вопль вдовицъ и сиротъ вошегъ на тебя къ Богу. Онъ отомститъ ихъ обиды, и если ты не оставишь такого кровопролитія, то вскорѣ самъ лишишься славы своей и княженія.»

Разгнѣвался князь за смѣлую рѣчь отшельника и, не убоившись суда Божія, велѣлъ сбросить его съ моста: преподобный, разбившись почти до смерти, нѣсколько часовъ пролежалъ какъ мертвый, но потомъ всталъ и сказалъ окружающимъ его: «немилостиваго князя и слуги немилостивы; вскорѣ впадете вы въ сѣти смертныя, ибо Давидъ Пророкъ написалъ Духомъ Святымъ:» ровъ изры и ископа и впаде въ яму, юже содѣла; обратится болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ, исповѣмся Господеву по правдѣ Его и пою имени Господа вышняго» (Псал. VI: 17. 18).

Преподобный возвратился въ пустыню свою, воздавая хвалу Господу о всемъ съ нимъ бывшемъ. Князь же Димитрій, въ полночи, внезапно объятъ былъ ужасомъ на ложѣ своемъ и началъ размышлять въ сердцѣ о рѣчахъ Григорія, ибо отъ многихъ слышалъ о святости мужа и истинѣ его пророчаній. Онъ отступилъ отъ Вологды и возвратился въ Галичъ, гдѣ, по слову преподобнаго, избиты были гнѣвомъ Божиимъ войска его

и все предсказанное сбылось надъ самимъ княземъ, который лишился славы и княженія. Еще болѣе умножилась съ тѣхъ поръ слава преподобнаго: многіе изъ далекихъ странъ къ нему притекали, дабы получить отъ него благословеніе и назиданіе, ибо всѣхъ наставлялъ онъ словомъ и житіемъ, и всѣ возвращались отъ него съ утѣшеніемъ; самъ же онъ, до конца жизни, не измѣнилъ молитвеннаго правила, соединяя постъ съ милостынею, припимая странныхъ, утѣшая скорбящихъ, исцѣляя больныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляя ежедневно трудиться надъ переписываніемъ божественныхъ книгъ. Такимъ образомъ проживъ многіе годы, скорбнымъ путемъ, достигъ до маститой старости и украсился постническими сѣдинами.

Уразумѣвъ наконецъ свое отшествіе къ Богу, предварилъ онъ о томъ братію, сказавъ имъ: «вотъ уже, чада мои, я отхожу отъ свѣта сего и васъ предаю въ руки Божіи:» Они опечалились симъ горькимъ словомъ и, принявъ благословеніе отца своего, разошлись со слезами. Два дня спустя призвалъ преподобный на единѣ старшаго ученика своего Александра и, много бесѣдовавъ съ нимъ о пользѣ душевной изъ божественнаго писанія, поручилъ ему собранное имъ стадо и строительство монастырское. Онъ просилъ совершить литургію, дабы еще разъ могъ приобщиться божественныхъ таинъ и, отпустивъ его, затворился въ келлію на молитву. Съ воздыханіями сердечными и обильными слезами молилъ преподобный Господа: не помянуть его согрѣшеній, сохранить отъ искушеній братію, собранную въ его обители, и благодатію Святаго Духа укрѣпить ихъ па невидимыхъ враговъ; молилъ онъ и Пречистую Матерь Спасову оѣнить своимъ покровомъ обитель и всю землю Русскую. Такъ пребылъ онъ безъ сна во всю сію ночь; на утро же, приобщившись за божественною литургіею тѣла и крови Христовыхъ, поднялъ руки къ небу и сказалъ братіи: «всѣмъ вамъ миръ. Владыко челоуѣколюбче, сподоби меня одесную тебя стать, когда придеши во славу судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его. Вы же, братія, что меня видѣли творящимъ, то и вы творите; тѣлесно отхожу отъ васъ, но духомъ не отступаю; имѣйте и по моему исходѣ любовь нелицемѣрную между собою, дабы не оскудѣло мѣсто сіе.» Поучивъ ихъ довольно, онъ всѣхъ цѣловалъ духовнымъ лобзаніемъ и поручилъ старѣйшинство присному ученику своему Александру, заповѣдавъ ему и всей братіи: «не воздавать никакой почести грѣшному его тѣлу, по

разлученіи отъ души, но, ради большаго уничиженія, извлечь его за нори изъ оградъ и тамъ затоптать въ болотѣ. Сказавъ сіе, преподобный возлегъ на одрѣ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, предаль чистую душу Богу, Сентября въ 30 день, 1442 года.

Въ самый часъ его преставленія исцѣлился при смертномъ одрѣ его бѣснующійся; братія, рыдая объ утратѣ добраго своего пастыря, не дерзнули однако исполнить его послѣдняго желанія, изреченнаго въ духѣ глубокаго смиренія, но съ честію вынесли тѣло его на средину церкви и тамъ начали совершать обычное надгробное пѣніе; вся церковь исполнилась благоуханія и нѣкто инокъ Сергій, долго болѣвшій глазами, исцѣлился при гробѣ. Преподобный погребенъ былъ по правую сторону олтаря и надъ его гробницею поставлена икона Всемиловитаго Спаса и Пречистой Дѣвы, для поклоненія приходящимъ, ибо много совершалось тутъ исцѣленій, молитвою преподобнаго Григорія.

(Продолженіе впрѣдъ).

ГРУСТНАЯ ДУМА.

Тяжелое впечатлѣніе оставляетъ по себѣ чтеніе судебного процесса, производившагося въ особомъ присутствіи Правительствующаго Сената 11 и 12 Іюля сего года. Восемьро подсудимыхъ, за исключеніемъ рядоваго московскаго полка Зайцева (29 лѣтъ) и мѣщанина Александрова (25 лѣтъ), всѣ—почти юноши; четверо изъ нихъ только что поступили въ высшія учебныя заведенія, и четверо принадлежатъ къ полуграмотнымъ—два мѣщанина и два рядовыхъ. Двое недоучившихся юношей, недостигшихъ еще гражданскаго совершеннолѣтія, становятся дѣятелями социалистической пропаганды, распродвигаютъ между полуграмотными или совсѣмъ безграмотными рабочими революціонныя заграничныя брошюры, читаютъ ихъ и объясняютъ, и въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ успѣваютъ приобрѣсти двухъ настоящихъ прозелитовъ, съ которыми потомъ и попадаютъ на скамью подсудимыхъ, а за тѣмъ въ каторгу. Какая глухая, жалкая, ребяческая пропаганда! Какіе ничтожные результаты, совершенно соразмѣрные ничтожности сумазбродныхъ дѣятелей!

Не безъ боли въ сердцѣ приходится отмѣтить здѣсь то печальное обстоятельство, что двое изъ наиболѣе виновныхъ—

Дьяковъ и Сиряковъ—по происхожденію и первоначальному образованію своему принадлежать духовному званію: первый — сынъ діакона, второй—сынъ священника, оба изъ вологодской епархіи и обучались въ вологодской духовной семинаріи, откуда въ сентябрѣ прошлаго года поступили въ здѣшній университетъ. Свою преступную пропаганду Дьяковъ началъ въ концѣ прошлаго года, спустя три мѣсяца послѣ поступленія въ университетъ, и привлекъ къ участию въ ней своего земляка и товарища по семинаріи и университету, Сирякова. Изъ судебного слѣдствія и изъ обвинительнаго акта не видно, чтобы эти бывшіе семинаристы отличались какимъ-нибудь особеннымъ вольномысліемъ еще во время пребыванія своего въ Вологдѣ, которая служила лѣтъ шесть-семь назадъ мѣстопробываніемъ, бѣжавшаго потомъ изъ нея за границу, Лаврова—теперь редактора лондонскаго журнала «Впередъ» и одного изъ главныхъ стряпателей революціонныхъ изданій, отобранныхъ у обвиняемыхъ. Мы далеки отъ того, чтобы ставить въ укоръ духовенству и духовной семинаріи духовное происхожденіе и духовное образованіе Дьякова и Сирякова, точно также, какъ не ставилъ никто въ укоръ другимъ сословіямъ и заведеніямъ преступную дѣятельность Нечаева и потомъ Долгушина съ компаніями, хотя, повторяемъ, не безъ боли въ сердцѣ прочитали объ этомъ, совершенно конечно случайномъ, совпаденіи пропаганды съ происхожденіемъ пропагандистовъ изъ духовнаго званія. Изъ судебного процесса напротивъ видно, что Дьяковъ и Сиряковъ уже въ Петербургѣ, по истеченіи четверти года пребыванія въ немъ, возымѣли намѣреніе распространять революціонныя брошюры и идеи. Какимъ образомъ они пришли къ такому намѣренію и, еще прежде, какимъ способомъ и отъ кого они доставали заграничныя изданія, судебное слѣдствіе не выяснило этихъ вопросовъ; равнымъ образомъ не выяснено и то, откуда бралъ Дьяковъ, дьяконскій сынъ, деньги, чтобы раздавать ихъ рабочимъ и пить ихъ чаемъ и водкой. Все это заставляетъ предполагать, что эти несчастные студенты, бѣдные и не имѣющіе достаточныхъ средствъ даже къ своему содержанію, сдѣлались по своей глупости орудіями заграничной революціонной клики, которая снабжала ихъ и своими изданіями и деньгами, хотя послѣдними, вѣроятно, и не въ значительномъ количествѣ. Съ этой точки зрѣнія на дѣло не только съ духовенства и съ вологодской духовной семинаріи снимается всякая укоризна, но и сами преступники являются

глухими орудіями чужой воли, которая воспользовалась ихъ бѣдностью и сумазброднымъ увлеченіемъ и привела къ тяжелой расплатѣ предъ закономъ. Здѣсь совершенно оправдались слова министерскаго циркуляра, «что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды то, что для каждаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка составляетъ предметъ особой заботливости и охраны — юношество и школу», и что «несчастныя политическіе фанатики, недоучоныя юноши, затѣвуютъ провести въ народъ свои несбыточныя фантазіи». Какую, однакоже, страшную нравственную отвѣтственность несутъ на себѣ тѣ бѣжавшіе за границу и спокойно тамъ проживающіе агитаторы, которые подводятъ подъ кары закона неопытныхъ, бѣдныхъ, легкоувлекающихся юношей! И съ другой стороны какими жалкими и пустоголовыми орудіями, достойными слезъ и смѣха, представляются сами наши юноши, такъ охотно дозволяющіе изъ себя дѣлать барановъ! По словамъ извѣстнаго циркуляра, пропаганда ведется въ 37 губерніяхъ: какое же большое стадо этихъ несчастныхъ обрекло себя на закланіе, какое количество молодыхъ русскихъ силъ погибнетъ, благодаря бездѣльничеству и кровожадности свободно расхаживающихъ по улицамъ Лондона и Цюриха русскихъ эмигрантовъ. Грустно!... *Уне есть имъ, да обѣситя жерновъ осельскій на выяхъ ихъ.* (Церк. Вѣстн. № 29, 1875.)

ПОГРѢШНОСТЬ.

Въ 16 №, въ офиц. части, въ статьѣ «Извлеченіе изъ отчета о суммахъ Вологодскаго Епархіальнаго Попечительства за 1874 годъ, на стран. 218, противъ строки 13-й сверху, повѣрно выставленъ итогъ суммъ розданныхъ въ пособіе вдовамъ и сиротамъ, а именно — вмѣсто ошибочно напечатанныхъ 175 руб., должно поставить: 2993 рубля.

С о д е р ж а н і е:

1) — Слово въ день Коронованія и св. Миропомазанія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича. Самодержца Всероссійскаго въ Вологодскомъ кафедральномъ соборѣ, 26 Августа, 1875 года. — 2) Лопотовъ монастырь Вологодской епархіи. — 3) Грустная дума.

Редакторъ *Николай Суворовъ.*

Дозволено цензурою. Сентября 14 дня, 1875 г. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.